

LIZADALE

SCREENPLAY

4. #06 #11 #21 #_C#

16+

Лиза Даль

Screenplay 4. Добившаяся

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Даль Л.

Screenplay 4. Добившаяся / Л. Даль — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5321-0357-3

Итак, реальность давно уже переплюнула сновидения по части неожиданных поворотов событий, и теперь ты мало что понимаешь. Что значат все его загадочные слова, намёки и странные взгляды? Как же хочется упереться пятками в землю и вытянуть из него всё то, о чём он умалчивает! И ты вытянешь, обязательно вытянешь, ты ведь привыкла добиваться своего, чего бы это ни стоило! Но только вот готова ли ты будешь в это поверить? Просто поверить ему?

ISBN 978-5-5321-0357-3

© Даль Л., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Мы шли по берегу уже целый час. Не разговаривали, слова были лишними, лишь иногда встретившись глазами, глупо хихикали, как нашкодившие дети.

То, что я чувствовала, нельзя описать многими словами, но всё это вмещается в одно очень ёмкое слово «Счастье». Оно переполняло меня, выплёскивалось через край, и тогда я начинала громко и заливисто хохотать. Иногда, смеясь, садилась на землю и, наверное, выглядела как сумасшедшая – никто меня не веселит, не шутит, не рассказывает анекдотов, а я смеюсь так звонко, что смех эхом отлетает от противоположного берега. И тогда Рональд, глядя на меня, заражённый мной, тоже начинал смеяться. И мы останавливались и хохотали, а потом он подхватывал меня на руки и кружил в воздухе, целовал в лоб, в губы – куда доставал, ставил на землю и обнимал. И мы снова шли, и идти было очень легко, казалось, мы просто перебираем ногами в воздухе, а Земля сама крутится под нами. И я думала, что счастливее я уже быть не могу, но тут Рональд снова удивил меня.

Он вдруг остановился и распахнул объятия. Что-то двигало меня к нему, возможно, как обычно мои собственные ноги, которых сейчас я почему-то не ощущала. И он приближался. И когда я вошла в кольцо из его рук, когда прижалась щекой к его плечу и закрыла глаза, то ощутила нечто странное и чудесное, похожее на внезапное пробуждение от затянувшегося унылого сна. Будто долгие, бесконечно долгие годы до этого я провела в забытии под чарами отравленных веретён, которыми колола себе руки постоянно на протяжении всей жизни. Но вдруг проснулась, остатки сна мгновенно развеялись, и теперь я могла воспринимать мир таким, какой он есть. Видеть его только что открывшимися глазами. И в этом новом мире Рональд положил руки мне на плечи, чуть наклонился, так, чтобы оказаться глазами со мной на одном уровне, и сказал очень серьёзно:

– Это было не просто так. Я никогда ничего не делаю просто так.

– Ха-ха-ха!

– Я говорю серьёзно, Лиз. Как только я увидел тебя, голос крови начал шептать мне: «Да! Да! Да!». Но осторожность и разум просили ждать, просили не торопиться. Я актёр и на экране и в жизни. Я очень хорошо умею прятать себя и выглядеть нормальным, но если бы ты только знала, что происходило у меня внутри! Сейчас я уверен, Лиз. Уверен в тебе и, главное, уверен в себе, – он взял мои руки, потер их, словно согревая и сказал: – Я никогда не прикоснулся бы к тебе только для того, чтобы прикоснуться. К кому угодно, но только не к тебе... Это сложно объяснить. Инфантильность, эгоистичность уже очень давно остались в прошлом, сейчас я зрелый мужчина, Лиз, и знаю, что несу ответственность. Жизнь научила меня бережно относиться к человеческим чувствам, а в тебе я вижу именно это – способность чувствовать и очень сильно...

Я смотрела в его спокойные мудрые глаза и понимала, о чём он говорит. Мы в ответе за тех, кого приручили. Очаровали. Об этом. На таких, как мы с ним, лежит огромная ответственность за чужие жизни, потому что нас любят чаще и больше, чем остальных. Мы привыкли просчитывать на сто ходов вперёд, заглядывать в будущее с тем, чтобы быть уверенными – мы не причиним боли. О других мы переживаем даже больше, чем о себе.

Когда-то мы прошли через все эти круги ада, на каждом из которых расположились последствия болезненного для партнёра расставания. Преследования, выглядывания, разговоры, букеты в ручке входной двери, плачущие родственники, осуждающие друзья, истерики, ночные звонки со слезами и угрозами... Мы убивали, нас убивали, и теперь мы знаем цену неосторожным обещаниям, ложным надеждам. Зато сейчас он уверен... Господи, какое простое объяснение этой его холодности и проклятой сдержанности!

Меня чуть не разорвало от накативших эмоций, которые кипели и бурлили внутри, вспенивали кровь, требовали выхода. Нет, человеческое тело просто не создано для подобных эмоций, это слишком величественно! Я не знала, что мне делать со своими руками, ногами, в них появилось какое-то колоссальное количество энергии, казалось ещё чуть-чуть, я оторвусь от земли и взлечу. И тогда я подпрыгнула, повисла у Рональда на шее, обвила его руками и ногами и звонко рассмеялась.

– Можешь смеяться сколько угодно, но ты теперь никуда от меня не денешься, – шептал он, прижимая меня к себе.

– Ха-ха-ха! Это ты от меня никуда не денешься! Я знаю, как тебя найти! У меня отличная память на цифры, так что я запомнила телефон мистера Гольдмана!

– Это просто отлично, Лиз! Если вдруг что-то случится, если вдруг по какой-то безумной и невероятной причине мы потеряемся, обязательно позвони ему. Или звони мне на студию, телефон есть в интернете. Тебе будет легче найти меня, чем мне тебя.

– Мы не потеряемся, если сами этого не захотим.

– Всё может случиться, Лиз. Отойдешь в кусты и заблудишься, например, или я пойду за грибами и не найду дороги обратно. Это очень обманчивый лес, мы можем потеряться в любую секунду и выйдем из него с разных сторон. Но ты всё равно должна найти меня, обещаю тебе это.

– Я уже сказала, что ты никуда от меня не денешься!

То ли я заразила Рональда своим настроением, то ли он сжалился надо мной, но он начал шутить и хохмить, видимо, чтобы я смеялась хотя бы не просто так и выглядела как нормальный человек. Я едва не складывалась пополам, хохоча над его шутками, и вскоре у меня уже болели мышцы на животе. Какой-то проказливый лесной дух определённо подсыпал нам неких волшебных грибов, я одновременно чувствовала себя и пьяной и одурманенной.

Чувство это называется красивым словом – эйфория.

И небо над нами было светло-синим, солнце – жёлтым, деревья – зелёными, а ручей переливался голубым сиянием. Идеальный, гротескный в своей безупречности пейзаж, словно нарисованный ребенком. Так мы шли и шли, и солнце ласково светило нам в лицо, а ветер дул в спину, и всё бы прекрасно, если б не чувство голода. Оно, конечно, было неуместно здесь, в этой сказочной реальности, но поющие в животе киты настойчиво требовали внимания. Эмоциями-то сыт не будешь, особенно учитывая, сколько сил мы истратили на сложную дорогу и свои м-м... упражнения.

– Ни одного зверя не видно! – сокрушался Рональд, пробираясь по неустойчивым камням, беспорядочно валяющимся на берегу. – Что им ещё нужно? Охотник есть, стрелы есть...

– Сострадания у них нет, – я подала ему руку, чтобы он помог мне спрыгнуть с особенно высокого валуна, – к несчастным голодным путникам. Бесчеловечные зверюги!

– Наверное, их нужно как-то приманить.

– Ну... Охотники делают какие-то дуделки, свистульки.

– Я свистульки не умею, – покачал головой Рональд.

– Какой тогда из тебя охотник?

– Зато я умею Шекспира.

– Чего?

– Кто не любит Шекспира? Я начну читать, звери подойдут поближе, чтобы послушать, и тут... – он резко схватился за лук и сделал вид, что стреляет. – Тут, как обычно, в финале кто-нибудь должен умереть.

– Плохая идея – тоже идея. Надо опробовать, – рассмеялась я. Ну и фантазия!

– Как насчёт «Ромео и Джульетты»?

– Не оригинально.

– Думаешь, ваши звери настолько разборчивы в английской поэзии?

– Я думаю, они вообще по-английски не говорят, так что, наверное, без разницы.

– Ну что ж, тогда...

Рональд забрался на высокий камень, прочистил горло, отвёл в сторону руку, состроил скорбную мину и начал декламировать хорошо поставленным голосом:

«Какая это милость? Это месть.

Небесный свод лишь над одной Джульеттой.

Собака, мышь, любая мелюзга.

Живут под ним и вправе с ней видаться,

Но не Ромео. У навозных мух.

Гораздо большие веса и значенья,

Чем у Ромео. Им разрешено.

Соприкасаться с белоснежным чудом.

Джульеттиной руки и воровать.

Благословенье губ её стыдливых,

Но не Ромео. Этому нельзя.

Он в высылке, а мухи полноправны.

И ты сказал, что высылка – не смерть?

Ты б отравил меня или зарезал,

Чем этим пустословьем донимать.

Изгнание! Изгнание – выражение,

Встречаемое воплями в аду»...

Рональд запнулся, глаза его расширились, и он уставился куда-то за мою спину. Я решила, что он забыл текст, и похлопала в ладоши, подбадривая его на продолжение. Треск сучьев и тяжёлое дыхание кого-то громадного и вселяющего леденящий ужас оборвали жидкие аплодисменты.

Чувствуя, как ноги срастаются с землёй, ожидая увидеть мерещившихся мне по ночам монстров, я медленно обернулась. Маленькие тёмные злобные глаза встретили мой взгляд.

– Иди ко мне. Спокойно. Не беги, – прохрипел Рональд.

Не отрывая взгляда от огромного рыже-бурого взлохмаченного медведя, я попятилась к камню и упёрлась в него спиной. Рональд легко подтянул меня к себе за плечи.

– Подними руки вверх. Так мы будем казаться ещё выше.

Мощно втягивая ноздрями воздух, шевеля мордой, скалясь и порывая, медведь осторожно вышел из зарослей. Сильные мышцы под плотной шкурой казались напряжёнными до предела. Балансируя на самом краю, Рональд поддерживал меня, трясущуюся так сильно, что дрожь, волнами проходя через тело, раскачивала камень под нашими ногами. Медведь беспокойно ходил из стороны в сторону, не отступая и не подходя к нам ближе. Шкура лоснилась, бока колыхались, земля, казалось, сотрясается под его весом. Зверь присматривался к нам, пытаясь определить, насколько мы опасны. Рональд сильнее прижал меня к себе.

– Не бойся его. Они, как собаки, чувствуют страх. Это просто хорошенький мишка, Винни-пух, только настоящий... – его голос лился мне в уши, но от него я цепенела ещё больше. – Чего ты так трясёшься? Для вас, русских, медведи же обычное дело. Сейчас понюхает и уйдёт...

Но зверь уходить не собирался, не собирался оставлять нас в покое, расхаживал перед нами огромным грозным чудовищем. Взгляд мой упал на длинные чёрные когти, и я покрылась нервной испариной – не оставалось сомнений, если я и выживу после нападения, тело моё будет изуродовано так, что лучше бы умереть. Он без труда мог бы завалить лося одним ударом мощной когтистой лапы.

– Рональд, – прошептала я, зажмурившись, чтобы не видеть медведя, – я хочу, чтобы ты знал. Ты лучшее, что со мной случилось.

– Прощаешься со мной сейчас, Лиз, пока всё хорошо? Это было бы слишком просто, у нас впереди долгая жизнь, чтобы ты убедилась в том, что я не такой идеальный, каким хочу казаться.

Но огромная зверюга, в чью слюнявую зубастую пасть я вглядывалась, давала понять, что отныне не мы распоряжаемся нашими жизнями, стремительно приближающимися к своему финалу.

– Ягод и грибов в лесу навалом. Он сыт, – сказал Рональд. Я удивилась бодрости в его голосе.

– Что тогда ему от нас нужно? – просипела.

– Может, природное медвежье любопытство?

– Или он хочет разнообразить рацион?

– Я слышал, что медведи предпочитают мясо с душиком, а мы пока живы, так что...

Зверь мотнул огромной головой, разбрызгав слюну по сторонам, вытянул шею, оцетинился, зарычал, сделал шаг в нашу сторону. Потом ещё один. Дистанция сократилась, и это значило, что он счёл нас не слишком опасными. Время остановилось, позволяя ощущениям такой смерти проникнуть под кожу. Крепкие длинные зубы сдавливают череп, нижний клык протыкает щеку, упирается в мои собственные зубы, верхний надавливает на висок, миг – и тонкая кость не выдерживает, крошится, как яичная скорлупа. Разрываются какие-то нервы, тело парализует. Мощная лапа ложится на грудь, под весом туши рёбра трескаются, осколки вонзаются в лёгкие, чёрные когти вспарывают плоть на ключицах, рывок – и четыре кровавые полосы разрывают кожу до низа живота, следующий рывок вытащит наружу внутренности. Каково это, когда из живой ещё тебя вытягивают кишки... Я содрогнулась и чуть не свалилась с камня, Рональд еле успел схватить меня за плечи.

– Нужно его прогнать, – прошептал он неуверенно.

– Как? – от страха я вцепилась ему в руку.

– Нужно кричать, шуметь, кидаться в него чем-нибудь.

– А это не разозлит его ещё больше?

– Я не специалист в медвежьей психологии, Лиз. Возможно.

В отдельные моменты рука его тоже крепчала. Соскальзывая, переминаясь с ноги на ногу, подняв руки, мы прижимались друг к другу – для двоих на камне было слишком мало места. Последние отмеренные нам ужасные секунды издевательски растягивались в бесконечность.

– А если выстрелить по нему из лука?

– Такую толстую шкуру мои стрелы не пробьют. Нужен металлический наконечник.

– Ну хотя бы просто покажи, что у тебя есть оружие. Вдруг он испугается и убежит?

Как только Рональд снял с плеча лук, медведь тут же встал на задние лапы и заревел на нас так страшно, что у меня отнялись ноги. Он был так близко, что из раскрытой пасти мощным потоком до нас долетало гнилое зловонное дыхание, липкие слюнявые нити свесились с чёрных вибрирующих губ, белки его глаз налились кровью.

– Ты его разозлил! – шикнула я.

– Это была твоя идея, Лиз.

– Так предложи свою.

– Не знаю. Бежать мы точно не можем. Будем ждать, пока уйдёт.

Да, бежать нельзя. В звере сразу же проснётся охотничий инстинкт, и он кинется за нами в погоню. Медведи быстры настолько, что, не пробежав и нескольких шагов, один из нас тут же окажется придавленным к земле пятью центнерами свирепой туши.

– Может, отвлечём его чем-то и всё-таки сбежим? – пискнула я.

– Чем? Кинем мячик, как собаке?

Внезапно медведь начал делать резкие выпады вперёд, рыча и показывая нам влажные жёлтые клыки. Терпение его кончалось, жажда крови брала верх над осторожностью, инстинкты приказывали рвать плоть.

– Может вплавь до другого берега? – я не могла больше сдерживать себя, страх заставлял просто бежать.

– Они не боятся воды. К тому же мы скорее сами утонем, разбив голову о камень.

Рональд был прав. Быстрое течение тут же собьёт нас с ног, а скользкое каменистое дно и выступающие из воды валуны слишком опасны.

– Мне кажется, или он просто прогоняет нас? – спросила я, глядя на кидающегося зверя.

Внезапно на берег выкатились, играя, один за другим, трое подросших медвежат. Я превратилась в глыбу льда.

– Это медведица! Она порвёт нас, защищая детёнышей!

– Знаю, – тон Рональда наконец сравнялся с моим.

Вдруг один из медвежат, зазевавшись, заигравшись с братом, кубарем скатился в реку и начал издавать жалобные звуки, призывая мать. Медведица сделала шаг в его сторону, но тут же вернулась на прежнее место и снова оскалилась на нас. Медвежонок делал попытки вскарабкаться на камень, но течение сносило маленькое неуклюжее тело. Тупые когти не могли надёжно зацепиться за скользкие валуны, он продолжал плакать. Медведица взревела в отчаянии, рёв этот скручивал мои внутренности в тугий болезненный узел, волнами отражался от тела. Ей нужно было спасти упавшего в реку детёныша, но на берегу оставались двое других, и мы представляли для них угрозу.

– Вот и мячик, – Рональд подтолкнул меня к дальнему от медведей краю валуна. – Бежим!

Мы попрыгали на землю и понеслись прочь. Я почти чувствовала горячее, густое, пропахшее падалью дыхание за спиной, казалось, огромная лапа вот-вот сшибёт меня с ног, и зубастая пасть вцепится мне в череп. Оглядываться не было ни времени, ни возможности. Мы бежали, перепрыгивая с камня на камень, и лишь чудом не переломали себе кости. Деревья проносились мимо, упругие ветви, колючие листья били нас по лицу, дыханье со свистом вырывалось из груди, в висках стучала кровь. Остановились мы только тогда, когда лёгкие начали разрываться от нехватки воздуха, земля под ногами стала слишком мягкой, уходящие в неё по щиколотку ноги с трудом выдёргивались обратно. Наконец обессилив, мы повалились на влажный мох, тяжело дыша, не помня себя от страха и от облегчения одновременно.

– Кажется, далеко ушли, – сказала я, шумно отдуваясь.

– Удивительная страна! – пробормотал Рональд, глядя в небо. – Медведи на Шекспира выманиваются...

– Нужно было сразу сбежать, а мы, два идиота, корчили из себя огромных страшных зверей! – расхохоталась я. – И провоцировали бедную медведицу ещё сильнее!

– Если бы это был медведь, моя тактика сработала бы!

– Не сомневаюсь, Ромео! Тактика выманивания ведь оправдала себя!

– В следующий раз попробуем лорда Байрона. Посмотрим, кто вылезет из чащи в этом случае...

Возблагодарив Господа за то, что спас наши жизни, и в полной мере оценив этот хрупкий дар, мы ещё долго лежали на земле, приходили в себя. Я перекатилась поближе к Рональду, положила подбородок ему на грудь.

– Знаешь, я только что осознала, что действительно умру когда-нибудь. Не так, как в шестнадцать – пойду сдохну, а вы все живите, как хотите. А умру по-настоящему, меня просто не станет. Это так странно.

– И ты испугалась?

– Да, очень! Но... – я приподнялась на локте, чтобы видеть его лицо. – Понимаешь, я не боюсь смерти. Раньше мне даже иногда хотелось умереть поскорее, но не потому, что мне не хотелось жить, а потому что было просто очень любопытно, что там дальше. Не терпелось узнать. Казалось, от меня скрывают что-то важное, и достаточно всего лишь избавиться от тела, чтобы понять наконец все смыслы, увидеть скрытые механизмы, найти ответы на кучу вопросов. Если бы мне приставили пистолет к виску, я бы подумала только: «О, супер! Какая быстрая и лёгкая смерть!» Я люблю жизнь и не спешу её покидать, но если б мне пришлось, я бы сделала это с легкостью. Понимаешь, мне не за что было цепляться, в жизни для меня не было ничего ценного. Но сейчас мне страшно.

– И причина во мне, – Рональд не спрашивал, он утверждал.

как всё быстро развивается

– Да.

– Хорошо. Я рад это слышать, Лиз, – он поцеловал меня в лоб. – Не нужно никуда спешить, мы будем жить долго-долго, а про то, что там дальше, тебе могу рассказать я.

– Неужели?

– Да, когда-нибудь расскажу.

– Когда же?

– Когда буду уверен, что мои слова не покажутся тебе смешными или глупыми.

Я поняла, что развивать эту тему он не собирается, и снова легла рядом. Рональд подтянул меня поближе, уложил мою голову себе на плечо. Мы смотрели на прозрачное холодное небо, даже солнце было каким-то холодным.

Вдруг справа появилась маленькая серебряная пуля. Она не спеша ползла по небосводу, оставляла за собой тонкий белый след. Мы оба смотрели на неё. Знали бы люди на борту этого самолёта, какая удивительная история разворачивается сейчас здесь внизу, прямо у них под носом.

– А я ведь придумала себе подарок на следующий День рождения, – сказала я.

– Какой же?

– Полет на истребителе в стратосферу.

– Вот это да! – искренне восхитился Рональд.

– Ага. Всё думала, чего бы такого зверского попробовать ещё? Уже и на лыжах спускалась с самых крутых трасс, и с аквалангом в пещеры ныряла, и с парашютом прыгала. Решила, что полет на истребителе с элементами высшего пилотажа это прямо то, что нужно. Знаешь, все эти мёртвые петли, штопоры, бочки...

– Знаю, Лиз, я же и сам пилот. И, кстати, когда у тебя День рождения?

Я уже открыла было рот, чтобы ответить, но вовремя спохватилась. Я начисто забыла, что думает на этот счёт мой очередной паспорт, лежащий в мешке рядом с Рональдом. В голове крутились какие-то даты, но я не была уверена ни в одной из них. Да уж, тем, кто хочет иметь маски, приходится их носить. И иногда в них путаться.

– Угадай, – кокетливо улыбнулась я и снова спохватилась. Сейчас он начнёт угадывать, и что же я буду отвечать?

– Мы потом поиграем в эту игру, – спас меня Рональд, – а сейчас расскажи-ка мне про истребитель.

– Да особенно и нечего рассказывать, кроме того, что я теперь никогда не решусь на это. Вдруг что-то пойдёт не так и... В общем, ты очень и очень виноват в том, что я не летаю на истребителе.

– Хорошенький расклад, но я тебя понимаю. Как же нам теперь быть?

– Не знаю...

– А что, если я буду сидеть рядом в этом же самолете?

– Обещаешь?

- Почему бы нет?
- Слишком расплывчато, мистер. Я буду думать, что ты пообещал, а ты будешь думать, что нет.
- Я тебе обещаю, Лиз.

Глава 2

Мы снова собрались в путь, но вдруг обнаружили, что река наша куда-то подевалась. Спасаясь от медведицы, мы бежали, не разбирая дороги, но мы готовы были поклясться, что бежали прямо вдоль берега и никуда не сворачивали. Однако река исчезла. Да и пейзаж изменился.

Нас окружали чахлые редкие деревца с пожухлой листвой, под ногами расстился густой слой сфагнового мха. Липкая тревожная тишина царила в этой части леса. Противно скрипели лягушки, печально стонали птицы и водяные жуки. Идти было тяжело, ноги проваливались в напитанный влагой мох, но мы упорно шли вперёд. Рональд как-то сориентировался, по солнцу что ли, и шёл теперь туда, где по его представлению должна была находиться река. Внезапно он остановился, поднял большую длинную палку и повернулся ко мне.

– Пожалуйста, иди за мной след в след. Обещаешь?

– Хорошо, – пробормотала я, выдёргивая из вязкой почвы слетевший кроссовок.

Земля становилась всё мягче и мягче, ноги наши проваливались в неё то по щиколотку то почти по колено, внутри меня нарастала неясная паника.

Вдруг я осознала, что земля плавно покачивается, словно гигантский ковёр, расстеленный на водной поверхности, и оцепенела от ужаса. Дыханье сбилось, грудь сдавило, тело мелко затряслось. Я стояла на месте, задыхаясь и беспомощно вертя головой по сторонам. В паре метров от себя увидела чахлую сосну, бросилась к ней и мёртвой хваткой вцепилась в ствол.

– Рональд, – крикнула я не своим голосом, – это болото!

Он обернулся и подошёл ко мне. Его шаги раскачивали зыбкое полотно под нашими ногами, и я в ужасе схватилась за дерево ещё крепче, до боли вонзилась ногтями в кору. Лицо его стало строгим, жёстким.

– Я просил тебя идти за мной, зачем ты свернула? Я не смогу защитить тебя, если ты будешь сама нарываться на неприятности, Лиз.

– Это болото, – повторила я, дрожа всем телом.

– Я это уже и сам понял и именно поэтому просил тебя идти по моим следам.

– Когда ты понял?

– Не так давно. Когда поднял эту палку.

– Почему не сказал мне?

– Чтобы ты не паниковала и не делала ненужных движений.

– При чем здесь палка? – я ничего не понимала.

– Послушай. Это болото не так уж и опасно, если всё делать правильно. Я иду впереди и прошупываю почву под ногами, если она выдерживает мой вес, то твой выдержит тем более. Эту палку я держу горизонтально, как канатоходец держит свой шест. Это моя страховка. Если вдруг я провалюсь, она зацепится за края прорехи, и, опираясь на неё, я смогу вылезти на поверхность, – свой монолог Рональд разбавлял разнообразными жестами, показывающими, как именно он представляет себе это безумие.

– Никуда я не пойду, – прохрипела я, цепляясь за дерево с силой, которую мог породить только ни с чем не сравнимый ужас.

– Посмотри вперёд, Лиз, и посмотри назад – расстояние примерно одинаковое, скоро опять начнётся нормальный лес. Впереди болото ничуть не хуже, чем сзади.

– Нет!

– Пожалуйста, просто иди за мной, – уговаривал меня Рональд, как маленькую.

Я лишь испуганно смотрела на него и не шевелилась. Чувствовала, как нарастает липкое тревожное ощущение. Ощущение, что я вдруг вспомню то, что ещё не случилось. Ничто не заставит меня отпустить это дерево, я не могу, нет!

– Что с тобой? – он встревоженно дотронулся до моего плеча.

Если бы я знала... Откуда-то из глубин подсознания всплывают неясные образы, но как только я пытаюсь сконцентрироваться на них, тут же ускользают.

– Пожалуйста, дай мне руку, – Рональд протянул мне свою ладонь.

– Нет! – я отвернулась, глаза затуманились, меня трясло как в лихорадке.

– Ты мне веришь? Посмотри на меня. Лиз, ты веришь мне?

– Нет.

– Неожиданно, – распрямился он. – И чем я это заслужил?

– Ты здесь ни при чём.

– А что при чём? – спокойно допытывался он.

– Люди тонут в болотах, – глаза мои расширились от ужаса. – Их засасывает, и нечем дышать...

– Конечно. Но только если они в одиночку идут по болоту напролом, не зная как именно нужно действовать. Посчитай, сколько нас?

– Двое.

– Правильно. Если один из нас наступит не туда, другой его поддержит. Так? Ты ведь поможешь мне, если что?

– Да.

– А я помогу тебе?

– Да, – выдохнула я то, что он от меня требовал.

– И тогда почему ты мне не веришь?

– Я не знаю...

– Очень плохо, Лиз. Мне нужно, чтобы ты верила мне. Всегда, понимаешь?

Он говорил чётко и разборчиво, будто участвуя в спектакле для слабоумных детей, или будто пытаюсь вежливо втолковать что-то дебилу. Я не злилась – сама понимала, что веду себя странно и глупо, но ничего не могла с этим поделать.

– Как ты думаешь, если бы я не был уверен, в том, что мы перейдём это болото, я бы тебя сейчас уговаривал?

– Нет...

Слёзы покатались по моим щекам. Его аргументы не оставляли мне шансов избежать прогулки по болоту, последней в моей жизни. Он обнял меня, погладил по голове, оторвал мою руку от дерева, положил её себе на плечо, улыбнулся нежно:

– Я бы нёс тебя на руках, если бы это было безопаснее, но ты должна идти сама, Лиз. Пожалуйста, не плачь, ты без ножа режешь.

– Никак не могу перестать...

– Хорошо, плачь, если хочешь, но пожалуйста, послушай меня внимательно и сделай так, как я скажу. Тебе нужно...

Немалых усилий стоило Рональду привести меня в чувство, но несколько минут спустя на налитых свинцом ногах, по-прежнему содрогаясь от оглушающего стука собственного сердца, и никак не находя способов его уговорить, я всё же сделала неуверенный шаг в его сторону.

– Молодец! – похвалил он меня и ободряюще улыбнулся. – Как же я горжусь тобой! Сейчас иди на пару шагов позади меня, и ничего не бойся. Обещаю, всё будет хорошо! Договорились?

– Да, – прошептала я, готовясь в любую секунду провалиться в трясину.

– Идём.

Рональд перехватил свою дурацкую палку поудобнее и повернулся ко мне спиной. Я заставила себя идти за ним. Шаг, ещё шаг – вот видишь, не так уж и страшно, просто шагай и ни о чем не думай. Но ведь невозможно же ни о чём не думать? Хорошо, тогда думай... Вспомни таблицу умножения на семнадцать, например. Семнадцать умножить на два – трид-

цать четыре, на три – пятьдесят один, на четыре – шестьдесят восемь... Нет, это слишком легко, давай не по порядку! Окей. Семнадцать на девятнадцать – триста двадцать три... Ещё пара шагов, молодец! Семнадцать на четырнадцать – двести тридцать восемь... Сколько мы уже прошли? Чёрт, как мало! Посчитаем ставки. В номере пять фишек номиналом двадцать пять, на стрите восемнадцать по пятнадцать и каре, да, пусть ещё будет каре, тринадцать фишек по пятьдесят. Итак, пять на двадцать пять и на тридцать пять – четыре тысячи триста семьдесят пять, стрит – восемнадцать на одиннадцать и на пятнадцать – две тысячи восемьсот семьдесят плюс четыре тысячи триста семьдесят пять – семь тысяч триста сорок пять. Молодец! А, ещё же каре! Тринадцать на восемь это сто четыре, и какой там номинал я говорила? А неважно, пусть будет тоже по двадцать пять, сто четыре на двадцать пять...

Тонкий поверхностный слой сфагнома лопнул, и Рональд провалился в трясину.

Я вспомнила.

мне четыре года. Я плыву в детском надувном круге, и меня уносит течением. Это конечно весело, но кажется, я уже довольно далеко. Мне неприятна вся эта осока, которая скользит по ногам под водой. Нужно позвать кого-нибудь. Я кричу. Мои десятилетние двоюродные братья видят меня, и их глаза округляются от ужаса. Я поднимаю руки, чтобы помахать им и моё тельце выскальзывает из круга

– Проклятая трясина! Засасывает!

выскальзываю из надувного круга, и вода смыкается над моей головой. Я пытаюсь схватиться за круг, но его уносит течением.

– Лиз, ты можешь помочь мне немного?

барахтаюсь, глотая воду, но погружаюсь всё глубже. Очень страшно. Кругом какая-то трава, скользкая, вязкая, гнилая. И жёсткая осока. Острая, она режет кожу. Мои ноги запутываются в тине. Пытаюсь всплыть, чтобы сделать глоток воздуха, но плавать я не умею, и трава не отпускает мои ноги

– Лиз! Ты меня слышишь?

тина опутала и руки. Я опускаюсь всё ниже, вижу расплывчатую темноту вокруг, колющийся свет над головой. Мои ноги касаются чего-то очень мягкого, очень противного, пытаюсь оттолкнуться, но ноги вязнут в мягком иле, воздуха почти не осталось, я суматошно барахтаюсь, пытаюсь всплыть, но лишь ещё сильнее запутываюсь, поднимаю грязь со дна, вода становится очень мутной, я задыхаюсь. Сил почти не осталось, делаю вдох, лёгкие обжигает огнем, я опускаюсь на дно и погружаюсь в холодный, вязкий ил

– Лиза!

Глаза мои сфокусировались на Рональде. Он провалился в болото по грудь. Провалился бы и с головой, но схватился за свою палку, упёршуся концами в края образовавшейся прогребки. Под его весом она тоже уходила в топь. Я застыла, часто моргая и не дыша, но в следующий момент, пришла в себя и сорвалась с места.

– Стоп! – крикнул он, и я замерла. – Стой на месте. Не подходи близко!

– Что мне сделать? – паникую я.

– Во-первых успокойся. Ничего страшного не произошло. Я это ожидал, – Рональд предельно спокоен, но вид его сосредоточен и серьёзен. – Видишь эту кочку рядом со мной? Можешь встать на неё?

Я осторожно добралась до твёрдой кочки.

– Молодец. Теперь попробуй нагнуть ко мне это деревце. Я по нему, как по канату, подтянусь к тебе, идёт?

– Да, я поняла.

– Отлично. Справишься?

– Да, – я тяжело дышу, руки трясутся.

– Точно справишься? Ты какая-то хиленькая, – ухмыляясь, он смотрит на меня оценивающим взглядом.

Хиленькая? Я? Я легко наклоняю чахлый осиновый ствол, Рональд наблюдает за мной, взгляд его затуманивается.

– Давай цепляйся! – я начинаю покрываться мурашками. Он так смотрит, что я чувствую себя голой.

– Знаешь, что я с тобой сделаю, когда выберусь отсюда? – Рональд схватился за ветки, но не торопится. Улыбается, зловеще сверкая глазами.

– И не мечтай! Ты весь в вонючей болотной жиже, – кривлюсь я, но его взгляд совершает невозможное – я начинаю хотеть его прямо здесь. Вид у него такой соблазнительный, какой только может быть, когда ты посреди болота.

– Ну, тогда я подожду, пока ты тоже провалишься. Что ты скажешь, когда мы будем вонять одинаково?

– Могу прямо сейчас к тебе присоединиться. Хочешь?

– Отлично. Правда, шампанского в этом джакузи я тебе не обещаю, дорогая...

Осознав причину своего страха, я больше не боялась и шла за Рональдом уверенно. Всё так же надрывно скрипели лягушки, из зарослей раздавалась чья-то тревожная трель. Земля под ногами стала совсем мягкой, ноги практически по щиколотку уходили в топкую почву. Идти тяжело, но мы старались не сбавлять темпа, чтобы скорее выйти на солнце. Под кронами деревьев очень холодно, сырой воздух вдыхается с трудом, и кажется, он не только не насыщает лёгкие кислородом, а наоборот – отравляет их своим гнилостным запахом. Прилипшая мокрая одежда заставляет дрожать всем телом, кожу противно стягивает засыхающая плёнка жижи... Кошмар, а не переход.

Вскоре среди чахлых деревьев показался просвет, послышалось знакомое уже журчание воды. Оказалось, что река наша впадала в болото, вытекая уже с другой его стороны. Когда, наконец, мы нашли пропавшую реку, солнце ещё даже не начало садиться, но мы решили сделать привал на ночь до наступления вечера. Нужно было готовиться к ночлегу и строить шалаш. Конечно, сооружать новое жилище каждый вечер – занятие весьма хлопотное, но выбора у нас не было, ночи стали по-осеннему холодными. Пронизывающий ветер гулял по лесу, без труда проникая даже под одежду, а ночевать нам предстояло голышом. Наши вещи смердели сыростью и гнилью, нужно было хорошенько отстирать их. Кроме того, и желудки сжимались в болезненных голодных спазмах, просто необходимо было как-то решить вопрос с ужином.

За этот сумасшедший день, самый счастливый в моей жизни, самый счастливый в истории всего человечества, полный неистовой сокрушающей страсти, неожиданных признаний, медведей и вонючих болот, дел накопилось очень много, и всё нужно было успеть до наступления темноты.

К нашей неопишуемой радости мы набрали на огромную кучу высохших добела, оцетившихся острыми обломанными ветками брёвен. Взявшись за руки, мы разглядывали кучу древесины, за которую оба с удовольствием отдали бы такую же по размерам кучу золота, но которая досталась нам совершенно бесплатно.

– Откуда столько дров на берегу? – спросила я, счастливая от того, что не нужно соваться за валежником в кишачий хищниками лес.

– Скорее всего, их принесло сюда весенним паводком, смотри – во время половодья здесь образуется своеобразный карман. Нам с тобой ужасно везёт сегодня, Лиз! Спаслись от медведя, вылезли из болота, а теперь ещё и эти сухие дрова, которые отлично горят.

– Ты не всё перечислил, – пробормотала я, вспоминая его руки, одна под моей головой, другая под копчиком...

– Всё. А то, о чём ты думаешь, Лиз, не везение. Это судьба.

Начали мы с того, что несколькими кострами отрезали свою маленькую полянку на берегу от опасного леса. Выстроили шалаш, набрали грибов на ужин и только после этого, когда сумерки начали спускаться на тайгу, и небо просверлили первые звёзды, вошли в почерневшую реку, чтобы отмыться. Я хотела снять с себя пропахшие гнилью вещи, чтобы отстирать их от грязи, но Рональд затащил меня в воду прямо в одежде.

– Вода очень холодная. Так будет теплее и быстрее: постираем вещи и сами отмоемся в один заход. Давай, потри мне спинку, – улыбнулся он.

Вечером мы чуть не подрались.

Сидя у костра, Рональд вертел в руках мой паспорт, который он минуту назад нашёл на дне нашего мешка.

– Интересно, – сказал он, разглядывая обложку.

Конечно интересно. Я заказала эту обложку в мастерской, выполнена она в единственном экземпляре и довольно символична, учитывая, что я постоянно скрываю своё истинное лицо.

Я очень люблю творчество бельгийского художника Рене Магритта, чья слава в глазах общественности незаслуженно меркнет под натиском другого гиганта-сюрреалиста – Сальвадора Дали. В отличие от Дали, Магритт в своём творчестве более интеллигентен, деликатен и, на мой взгляд, более тонок и лаконичен. Его картины не перенасыщены деталями и буйством цветовой палитры, не эпатируют, а погружают в задумчивую созерцательность. Они отзываются смесью из неясной тревоги и пытливого желания заглянуть за край обыденного мира, увидеть привычные вещи под другим углом.

Впервые познакомившись с его картинами на выставке в Европе, я погрузилась в какое-то поэтическое оцепенение, вызванное их тайной и тайной вещей, изображённых на этих полотнах. Для Магритта характерен отстранённый, невозмутимый стиль, с которым он сочетает несочетаемые предметы, выстраивая таким образом ребусы, разгадать которые однозначно просто невозможно. Каждая из работ моего любимого художника ставит вопрос о самой сути бытия, заставляет задуматься.

Обложку моего фальшивого документа украшают его картины. На лицевой стороне знаменитые «Влюблённые», на оборотной – те же «Влюблённые», но уже в другой их вариации. На этих работах крупным планом изображена пара – мужчина и женщина, головы которых наглухо укутаны белыми покрывалами. У каждого своё. В первом варианте они страстно целуются в комнате, во втором стоят на фоне умиротворённого пейзажа, их скрытые под тканью лица обращены к зрителям, позы расслабленные, они тепло прильнули друг к другу.

– Да, любовь слепа, – пробормотал Рональд, разглядывая обложку.

– Картины не об этом, – возразила я.

– Именно об этом.

– Слишком примитивное толкование.

– Не примитивное, а очевидное.

– Я была о тебе лучшего мнения, – насмешливо бросила я.

– И о чём же они? – спросил он с вызовом.

– О том, что даже самые близкие люди не способны до конца открыться друг другу.

– Ты просто издеваешься над моей фантазией! – раздосадованный Рональд вскочил на ноги.

– Это не я, это Магритт, – я вздохнула и поворошила палочкой угли в костре.

Рональд продолжал рассматривать обложку с серьёзностью ученого, исследующего древний манускрипт. Выражение его лица забавляло меня.

– Он не просто закрыл им глаза, он замотал им головы! – наконец воскликнул он и победно сверкнул глазами. – Они потеряли голову от любви! Нарисованная метафора!

– Пф... Я скорее поверю, что они просто предаются греховной страсти и стыдливо прикрылись покрывалами.

– Но посмотри, – сунул он мне обложку под нос, – на второй картине они выглядят как счастливая семейная пара!

– Прошло время, а истинной любви так и не возникло. Они до сих пор изолированы друг от друга. Это не настоящая любовь, а жалкое подобие, не способное погрузить в мир партнёра. Так живёт большинство семейных пар.

– Или никакие преграды не страшны для истинной любви? Они чувствуют друг друга даже сквозь двойной слой ткани!

– Ты чересчур оптимистичен, – покачала я головой.

– А ты, похоже, не веришь в любовь.

– Даже влюблённые остаются слепыми! – я выхватила у него обложку и помахала ею у него перед носом, как доказательством: – Они не видят друг друга и никогда не смогут познать истинное лицо своего партнёра, потому что скрывают его! Время идёт, а они всё так же далеки!

Секунду он соображал, а потом его глаза вспыхнули.

– Иногда любовь настолько сильна, что зрение ей не нужно. Они и так прекрасно чувствуют свою половину.

– Поцелуй через покрывало, как символ, как неспособность почувствовать наслаждение от истинной близости, которая возможна только при настоящем чувстве.

– Как трагично! – закатил глаза Рональд.

– Это жизненно!

– А вот совсем банальное толкование – внешность не главное, важно лишь внутреннее зрение, ощущение своей половины.

– Слишком просто для Магритта!

– Люди склонны переоценивать талант психов!

– Он не сумасшедший, он гений!

– Такой же душевнобольной, как и Ван Гог!

– Похоже, ты ничего не смыслишь в искусстве!

– Я? – воинственно задрал бровь Рональд. – Ну конечно, совсем ничего!

– Корчиться на камеру, это не то же самое, что писать великие картины! – выдала я внезапно.

Он замер, сверля меня взглядом, а потом внезапно расхохотался. Я представила себе, как выгляжу со стороны. Руки в боки, лицо покраснелось в пылу спора, глаза сверкают гневом. И мне тоже стало смешно, но я не подала виду.

– Что тебя так развеселило? – спросила я строго. – Назвав моего любимого художника психом, ты кинул камень в мой огород, и вполне естественно, что я злюсь.

– Не-ет, – выдал он сквозь смех, – я тебя никуда не отпущу! Потрясающая женщина! Вместо того чтобы ныть, она, голодная и уставшая, спорит о смысле каких-то картин!

Закравшееся подозрение размыло вспыхнувший гнев.

– Ты специально провоцировал меня? – прищурилась я.

– За тобой очень интересно наблюдать. И, должен сказать, ты чертовски сексуальная, когда злишься.

– Сам ты псих, – я примирительно махнула рукой.

– Я псих, а Магритт гений, – Рональд многозначительно поднял палец. – На самом деле он изобразил всю суть общения через интернет.

– Когда Магритт творил, не было ещё никакого интернета.

– Значит, он действительно псих, раз думал, что видит будущее.

– Ты опять за своё? – повторно завелась я.

Рональд подошёл и обнял меня за плечи, поцеловал в лоб, прижал мою голову к своей груди. Сказал:

– Ты ошибаешься, думая, что я пытаюсь его оскорбить. Таким образом я им восхищаюсь, только и всего. Все творческие люди сумасшедшие, Лиз. Одни меньше, другие больше. Они вынуждены быть ими, потому что источник, в котором они черпают своё вдохновение, лежит за пределами этого мира. И чем больше они из него пьют, тем большими безумцами становятся. По меркам этого мира, конечно.

– Ты тоже сумасшедший? – спросила я, прислушиваясь к стуку его сердца.

– Пятая поправка к Конституции: «Против себя не свидетельствую».

– Ну а серьёзно?

– О, я ещё тот псих, – кивнул он убеждённо. – Ты будешь долго исследовать глубины моего безумия.

– Ты кажешься нормальным.

– Казаться не значит быть. Я уже говорил, что актёр и потому очень хорошо умею прятать себя. Видишь ли, не с каждым хочется разделять своё сумасшествие. Найти того, с кем хочется, и того, кто по твоим представлениям способен это вынести, – большое счастье.

Я раздумывала над его словами, пока он баюкал меня на своей груди. Подняла к нему лицо:

– По твоему, я смогу вынести твоё безумие?

– Будет нелегко, – пообещал он, – но интересно. И да, думаю, ты справишься.

– Предлагаю зарыть топор войны в шалаше, – сверкнула я глазами.

Вещи наши, выстиранные, сушились возле костра, и мы ходили обнажённые. Мне и так нелегко было смотреть на Рональда весь вечер, пока мы занимались делами, а сейчас возбуждённая спором и его красочной, и в некотором роде профессиональной, жестикуляцией я и вовсе еле сдерживалась. В ногах появилась знакомая дрожь, внутренности скручивались воронкой – вакуум мой втягивал их с такой силой, что было больно.

Рональд бросил взгляд на котелок с грибным супом, вода уже закипала. Посмотрел на меня обнажённую, призывно стоящую перед ним, снова на котелок, выругался и закинул меня на плечо.

Глава 3

– Ты понимаешь, что тебе придётся переехать в Лос-Анджелес? – спросил он, глядя сквозь меня туманными глазами и перебирая мои волосы.

Лежать с ним здесь, в шалаше, в одном свитом на двоих коконе, дышать с ним одним воздухом, слышать треск сучьев в костре, шум ветра над головой – вот настоящее счастье. Тепло, уютно, немножко сумбурно. А что там, в Лос-Анджелесе?

– Нет, – ответила я, не столько не понимая, сколько не веря в то, что он говорит.

– Придётся, – шепнул он мне на ухо. – А ты понимаешь, что тебя там ждёт?

– Если ты о том, что будешь проделывать там со мной те же штучки, что и пять минут назад здесь, то я, в общем, не против.

– Непременно. Но я и о другом сейчас.

– О чём же?

– О том, что я дам тебе какое-нибудь смешное прозвище, и ты будешь там жить... Со мной.

Я уже долгое время ощущала себя немного сумасшедшей, но сейчас я чувствовала себя так, будто моё сумасшествие достигло своего апогея. Подсознательно всё ждала, что вот сейчас занавес упадёт, декорации разрушатся, и я окажусь одна-одинёшенька посреди пустой сцены.

– И как же мы будем жить? – спросила я осторожно.

– Интересно.

– Ну да. Со мной не соскучишься... А чем я буду там заниматься?

– Всем, чем захочешь. Но имей в виду – я против торговли наркотиками и людьми.

– Беда-беда. Я ведь кроме этого ничего и не умею...

– Можешь также работать переводчицей, можешь не работать вообще, а можешь осуществить какую-нибудь свою детскую мечту. Я вообще за это – за осуществление детских грёз, они самые правильные. Вот ты. Кем ты хотела быть в детстве?

– Ты будешь смеяться, – замялась я.

– Обязательно. Я, знаешь ли, вообще люблю поиздеваться над людьми.

Я немного помедлила, потом собрала с духом и призналась:

– Мне всегда было интересно, как это – увидеть свою планету висящей в пустоте. Поэтому я всегда хотела стать космонавтом.

– Отлично, – обрадовался он. – Запишем тебя на предполётную подготовку в одну из частных аэрокосмических компаний.

– Ты всё-таки смеёшься надо мной?

Рональд приподнялся на локте, медленно провёл костяшкой указательного пальца по моей щеке.

– Ты мне не веришь?

– Конечно нет.

– Очень плохо. Очень, очень плохо, Лиз. От недоверия все проблемы. Я знаю, что невозможно прожить на земле столько лет, не разучившись доверять людям, и вот что я тебе скажу. Я не терплю лжецов, просто патологически не переношу, и именно поэтому я не причисляю себя к ним. Я обещаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах не буду тебе врать. И знаешь почему? Для меня это всё равно что вывалиться в дерьме и набить им себе рот. Я всегда говорю или правду или ничего, из-за этого у меня было достаточно проблем, но меня это никогда не беспокоило, я себе не изменяю. Мне в общем и целом плевать на мнение общества, общество давно уже погрязло во лжи и ничего не понимает, другое дело – близкий человек. Твоим мнением я всегда буду интересоваться, и всегда буду высказывать своё, ожидая, что ты

к нему прислушаешься. Так что верь мне, пожалуйста, и сама не лги. Это единственное, что может нам помешать.

– Хорошо. Я тебя услышала. Можно ли твои слова считать признаком того, что ты принимаешь меня такой, какая я есть со всеми недостатками? У меня ведь никак не получится их скрыть, если я не буду врать, а притворщики всегда кажутся более приятными, чем те, кто не пытается себя прятать.

– Именно так ты и должна воспринимать мои слова. И запомни – у тебя нет недостатков, ты совершенна изначально. Возможно, у тебя есть некоторые заблуждения, навязанные обществом опять же, но также у тебя есть и я, тот, кто тебя от этих заблуждений вылечит.

– Очень самонадеянно, тебе так не кажется?

– Меня и самого вылечили. И для меня это действительно было так. Было так же важно, как и вовремя узнать, что я болен смертельно опасной, но излечимой болезнью, чтобы получить возможность избавиться от неё.

– Опять ничего не расскажешь?

– Не сегодня, Лиз.

Пора бы мне уже привыкнуть к тому, что он вечно обрывает свои самые интересные мысли на середине. Давить на него я пока не готова.

– Ну хорошо, – вздохнула я. – Допустим, по средам и пятницам я буду ходить на курсы для будущих космонавтов. А что мы будем делать в остальное время?

– Ну слушай моё мнение на этот счёт. Я склонен думать, что отношения это не тюрьма, и у каждого должна быть какая-то своя жизнь, если ему это нужно. Кроме того, я всегда выступал за качество, а не за количество общения. Понимаешь, я считал, что если всё время заикливаться на том, чтобы всё делать вместе – вместе есть, вместе спать, вместе гулять, вместе ходить по магазинам, вместе и работать и отдыхать, можно очень скоро начать грезить о том, чтобы посадить свою половину в катапульту и выстрелить ею по горизонту, чтобы она перестала наконец мозолить глаза. Так я думал. Но теперь мне не хочется отпускать тебя от себя ни на минуту. Не знаю, может дело в том, что мы в лесу и мне без тебя тут просто страшно? Посмотрим, Лиз, по обстоятельствам. А ты что думаешь?

– Ну слушай и моё мнение. У меня есть особенность. Я вполне могу побыть одна – мне с самой собой никогда не бывает скучно. Более того, я привыкла к одиночеству, и мне будет сложно с ним расставаться. То есть, я не буду требовать к себе всё твоё внимание, но готовься к тому, что когда ты будешь оказываться рядом, я просто не смогу слезть с твоих коленей. Во всяком случае первые лет тридцать. Для меня это будет пытка – иметь тебя поблизости и не прикасаться. Я иначе любить не умею и не хочу иначе.

– Ох, – вздохнул Рональд, крепче прижимая меня к себе, – это я как-нибудь переживу. А вот что придётся пережить тебе. Я публичный человек, и тебя эта публичность тоже ждёт.

– Что это значит?

– Ты будешь посещать все премьеры, все презентации, все рекламные кампании. Тебе придется отрастить толстую шкуру, Лиз. Ты всегда будешь под прицелом камер и фотоаппаратов, тебя будут преследовать журналисты, тебя будут ненавидеть мои любимые фанатки. Я буду вынужден приставить к тебе охрану, и они будут сопровождать тебя везде, куда бы ты ни отправилась. Тебя ждут различные интервью, благотворительные мероприятия, светские вечеринки, приемы у высокопоставленных особ и ещё масса всего. Я не говорю, что это будет происходить постоянно, и ты целыми днями будешь крутиться как заведённая, разрываясь между всем этим, но всё же довольно часто. Это не так весело, как кажется на первый взгляд. Это работа и она утомляет.

– Ты тоже будешь всё это делать?

– Конечно. Я говорю о том, что тебе нужно везде со мной бывать.

– То есть куда ты, туда и я?

– Да. Ты не обязана всё это делать, но мне бы очень этого хотелось, это важная часть моей жизни и я хочу разделять её с тобой.

– Мне важно то же, что и тебе.

– Хорошо. Кроме того, я очень консервативен и считаю, что мы должны отдыхать только вместе. Так что ты везде будешь со мной, не только на работе, но и во время отпуска тебе не удастся от меня избавиться.

– Я... я не знаю, что сказать. Я чувствую себя опустошённой, потому что мне больше не о чем мечтать. Если всё будет именно так, как ты говоришь, то все мои мечты можно считать выполненными.

– Ну и отлично. Самое время подумать над общими мечтами.

– Уверен, что не торопишься?

– Тороплюсь? Ты разве предпочитаешь мужчин, годами жующих сопли?

– Нет, конечно, но...

– Послушай, – перебил он меня поцелуем в лоб, – я принял решение. В мире столько всего интересного, что мы можем делать вместе, что даже целой жизни для этого мало! Мне просто не терпится начать с тобой мечтать и с тобой же начать всё это реализовывать.

Его голос звучал очень уверенно, но я всё равно сомневалась. Как-то слишком неправдоподобно? Может, я действительно сошла с ума? Рональд отверг меня ещё тогда, на берегу, когда я собиралась признаться ему, и я просто-напросто свихнулась от горя? Что, если сейчас он просто тащит меня за руку по лесу, а я глупо улыбаюсь, бешено вращаю глазами и разговариваю сама с собой, пуская слюну? Я тут же представила себе зарешечённые окна, людей в белых халатах с глазами и инструментами, как у доктора Менгеле, узкие железные койки с кожаными ремнями, в которые продеваются лодыжки и запястья. Психу ведь невозможно объяснить, что он псих – всё происходящее в его больном воображении он принимает за чистую монету. Я поёжилась.

Или именно так и бывает, когда находишь вдруг своего человека? У меня же вот так всё и произошло! Жила себе спокойно, а тут вдруг! С первого взгляда! Смущает только один факт – в него все влюбляются с первого взгляда. Но в меня же тоже! На это и был расчёт! И как же хорошо мы понимаем друг друга! Чего я боюсь? Чего опасаясь? Почему я не могу поверить, что счастье возможно и возможно так легко? Да и разве это было легко? Организовать похищение, испытать предательство, чудом избежать смерти, скитаться по лесной глуши, терпеть голод и боль! Какая ещё женщина боролась за него так неистово?!

Но всё равно награда за это кажется слишком нереальной, как будто ищешь закатившуюся под кровать монетку и находишь там, к своему ужасу, сокровища дюжины затонувших пиратских кораблей. Я ведь даже не рассчитывала на такую развязку, на его искренние взаимные чувства, в моём понимании это пугающе прекрасно. Я хотела посмотреть в его глаза, успокоить себя их уверенностью за наше – наше будущее, но стало слишком темно, и я не могла разглядеть их во мраке хижины.

Я боялась. Боялась поверить, потому что знала – если я впущу в своё сердце это счастье, если пойду за ним, то проклятые птицы склюют спасительные крошки за моей спиной, и я не найду дороги обратно. Если я поверю, то смогу жить только в той реальности, которую он создаёт сейчас для нас, навсегда утратив связь с прежней, в которой я без него. Я знаю себя и знаю, насколько это для меня опасно. Но разве у меня есть пути отступления?

Нет, поздно, я уже погрязла в нём. И даже мои навыки освобождения сознания от зависимости не помогут мне. Только не в случае с Рональдом. Я уже не разберу, что в нём хорошо, а что плохо. Что бы это ни было – всё это принадлежит ему, часть его, а значит – совершенно. Я уже шагнула в то зазеркалье, где недостатки искривляются до такой степени, что становятся достоинствами, а достоинства, отразившись миллион раз в зеркальных коридорах, приобре-

тают божественный смысл. Мне уже не спастись, и значит, есть только один путь – вперёд, но... как же страшно!

– Рональд, – начала я опасливо, – помнишь, ты сказал мне, что если я засомневаюсь в том, что счастье настоящее, я могу спросить у тебя?

– Как ты думаешь, почему я так сказал?

– Почему же? – я хотела услышать это от него.

– Я уже тогда представлял исход нашего необычного знакомства и, продумав всё заранее, отрезал тебе пути к отступлению.

– Довольно хитро, – признала я. – Ладно, притворюсь, что ты не раскрывал мне свои карты. Скажи же мне, Рональд, это всё – правда?

– Правда. Смело буди ту, другую. Буду делать её счастливой. Ну и тебя тоже, – он ласково потрепал меня по волосам.

Я ещё подумала. Предприняла последнюю попытку избежать своей восхитительной участи:

– И тебя не смущает, что я не сильна во всех этих навыках, необходимых каждой доброй жене – в вышивании, кулинарии и накрахмаливании воротничков?

– О Боже, нет! Это всё меняет! Ничего не получится, извини, спасибо за компанию.

– Но зато я играю на фортепиано! – поспешила я реабилитироваться.

Прошла минута, прежде чем он снова заговорил.

– Я закажу тебе самый прекрасный рояль. Белый, – Рональд вздохнул, прижал меня к себе, поцеловал в лоб, зарылся носом в волосы. – Не могу поверить, что в моём доме поселятся два таких чуда. Теперь бесполезны все споры о счастье – никто никогда ещё не чувствовал себя таким счастливым.

Да. Это счастье. Страшное, пугающее, огромное, раздирающее сердце на части, счастье. Такое, что в него сложно поверить, и мне казалось, я только напрасно будоражу себя этими мечтами и их соблазнительной дерзостью. Чувствуя себя неожиданно перемещенной в фильм ужасов, где главная героиня, услышав шум, отчаянно рвётся на чердак, чтобы найти там свою погибель, я прошептала:

– Давай попробуем.

Рональд приподнялся на локте, взял меня за руку.

– Нет. «Попробуем» – слово для самооправдания тех, кто готов к поражению. Пробовать – значит изначально обречь себя на провал. Если мы хотим чего-то, то должны просто действовать. Просто жить.

– Значит, будем жить.

В крошечной темноте Рональд безошибочно нашёл мои губы и запечатлел на них тот поцелуй, который знаменует превращение двух любовников в родных людей. В нём не было исступления, огня и животной страсти, но было доверие и просьба доверять.

Когда мы спохватились и чуть не снесли в панике хлипкие стены шалаша, было уже поздно. Ужин наш пригорел к стенкам котелка, а искать по темноте новые грибы не представлялось возможным.

– Придётся довольствоваться пищей духовной, – улыбался Рональд, перетаскивая горячие камни в наше жилище. – Почитаю тебе на ночь Киплинга.

Я подскочила так резко и так высоко, что ткнулась головой о покатую стенку шалаша. Тяжело дышала, оглядывалась, не верила, что увиденное было только сном, в ушах всё ещё стоял гул и крики.

– Что с тобой? – приподнялся вслед за мной обеспокоенный Рональд.

– Страшный сон.

– Всё хорошо, – сказал он, укладывая меня обратно. – Это только сон.

– Он был такой реальный... Боже, меня до сих пор трясёт.

Свернувшись клубком возле него, положив голову ему на плечо, я мелко дрожала от адреналина, бушующего в крови.

– Успокойся, – гладил он меня по голове, как маленькую. – Расскажи мне, если хочешь.

– И тогда сон не сбудется?

– Да. Ну так и что тебя испугало?

– Какие-то чудовища... монстры в воде... – шептала я, пытаюсь припомнить детали ускользающего сна. – Не знаю, как объяснить. Как будто какой-то огромный океанариум или что-то подобное. Помню эту панику. Люди, как взбесившиеся звери. Мы в холодной воде по колено, и она все прибывает, а выхода нет, вокруг только стеклянные стены этого огромного лабиринта и эти твари везде, справа, слева, внизу, над головами. И ты там был. Ты тянул меня за руку вперёд, в то время как все бежали назад. Я тоже рвалась назад, я знала, что выход там, ведь оттуда мы пришли, а что впереди? Ещё сотни метров лабиринтов и неизвестность. Есть ли там выход? А воды уже по пояс, а ты тянешь меня вперёд, а я упираюсь ногами и кричу, что нужно бежать к выходу, бежать назад... А ты кричишь: «Туда нельзя! Задавят!» И я отрываюсь и бегу вместе со всеми. Ты за мной. А потом всё это взбесившееся стадо разворачивается и бежит в обратном направлении, потому что впереди кричат: «Они там!» Толпа отрывает нас друг от друга, а я слышу твой голос: «Руку! Дай мне руку!» Меня чуть не задавило, но вынесло вместе со всеми. Я знала, что ты остался там, и что эти чудовища разрывают тебя на куски. Я думала, что сойду с ума от ужаса и... проснулась.

– Ты слишком эмоционально отреагировала на наш переход через болото, – улыбнулся он.

– Да, наверное...

– Ну всё, всё. Спи. Или хочешь ещё поговорить?

– Надеюсь, мне не приснится это снова. Очень страшно.

– Подумай о чём-нибудь хорошем, и оно приснится тебе вместо монстров.

– Хорошо.

– Ну, – он поцеловал меня в лоб, – приятных снов?

– Да, приятных.

Какое-то время я лежала, прислушиваясь к его ровному дыханию, а потом вдруг вспомнила:

– Знаешь, у меня в детстве была кошка...

– Очень мило, – лениво отозвался Рональд.

– Ты не понял. Это была необычная кошка, она жила в моих снах, была очень большой, сильной и защищала меня от всяких чудовищ. Каждый раз, когда во сне мне становилось страшно, она приходила и спасала меня.

– Тогда пусть тебе приснится твоя кошка...

Глава 4

Проснулась я от мощной голодной спазмы – нос учуял тонкий аромат чего-то несомненно съестного и желудок незамедлительно среагировал. Я вылезла из шалаша и, протерев глаза, поняла, что аромат исходит из подвешенного над костром котелка, в котором Рональд помещивает какое-то варево.

– Почти готово, – сказал он, – прошу к столу.

Я, естественно, не заставила себя долго ждать и в мгновение ока очутилась возле котелка.

– Что здесь? – спросила я, жадно вглядываясь в мутную жижу. На вид она казалась не такой аппетитной, как на запах.

– Это блюдо я изобрёл только что. Называется «Шелтонсуп».

– Вот как, – пробормотала я, опасливо косясь на раздувающийся на поверхности жижи большой мутный пузырь. – И что за рецепт?

Пузырь лопнул, выстрелив мне в нос весьма соблазнительным ароматом.

– Рецепт прост, как всё гениальное, а ингредиенты самые лучшие – свежесрезанные грибы и свежпойманная рыба.

– Мерзость какая, – поморщилась я. – Рыбно-грибной суп?

– Прошу прощения, мисс, но в холодильнике нашлись только эти продукты.

И хотя глаза мои говорили, что «Шелтонсуп» наверняка опасен для жизни, весь остальной мой изголодавшийся организм умолял немедленно накинуться на него, и я взяла протянутый мне Рональдом предмет. Назвать этот предмет ложкой было бы несправедливо – такой огромный грубо выструганный черпак определённо заслуживал какого-то другого названия, но Рональд сообщил, что это именно ложка, и я поверила ему.

– Только одну успел выстругать, так что есть будем по очереди.

Я не спешила опускать «ложку» в мутное варево. Спросила:

– А где ты взял рыбу?

– Поймал, – быстро ответил он.

– Где?

– В озере.

Я с сомнением покосилась в сторону какого-то болотистого водоема, на который мы наткнулись вчера, собирая грибы. Там может водиться рыба? Я занесла ложку над котелком, намереваясь зачерпнуть немного «Шелтонсупа», но вовремя спохватилась.

– А удочку где взял? – спросила, хмуря брови.

– Я не удил рыбу, я на неё охотился, – он гордо кивнул на свой лук.

Что ж, наверное это возможно, если рыба плавает у самой поверхности. Я пожалела о том, что проспала это прекрасное зрелище – охотящегося, пусть и на рыбу, Рональда. Я вообще не хотела пропускать ни одной минуты его жизни.

– Почему ты меня не разбудил? Я бы с удовольствием посмотрела.

– А я бы с удовольствием смотрел на тебя спящую, вместо того, чтобы лазить по болотам.

Мы оба вздохнули, и я неуверенно погрузила черпак в склизкую жижу, подняла полную ложку вверх, сфокусировала взгляд на серой липкой нити, тянущейся за ней. Закрыла глаза и, стараясь не дышать, вылила содержимое себе в рот. На вкус стряпня оказалась замечательной и я, наконец перестав морщиться, наинулась на еду. Было действительно очень, просто невероятно вкусно, и я блаженно жмурилась, отправляя себе в рот очередную порцию, торопилась, будто не насыщаясь, а становясь всё голоднее. Грибы на вкус просто объедение, восхитительный горячий бульон приятно обжигал горло, грел замёрзшие за ночь внутренности, рыба в супе совсем не ощущалась. Рональд, довольный произведённым впечатлением, наблюдал за мной

голодными глазами. Кое-как я оторвалась от котелка и передала ему ложку, предварительно её облизав.

– Очень, просто очень вкусно.

– Я старался, – скромно улыбнулся Рональд.

– Рыба совсем не чувствуется! Как будто бульон куриный.

– Ну... – дёрнул он плечом, – такая странная таёжная рыба.

Дождавшись, когда ложка окажется в моих руках, я снова накинулась на еду. Внутри меня разливалось приятное тепло, суп заслуживал того, чтобы смаковать каждый кусочек, но я глотала его, почти не жуя, выплевывала попавшиеся мне рыбы косточки. Снова передала эстафету Рональду.

– Ты определённо выбрал не ту профессию. Став шеф-поваром сети собственных ресторанов, ты бы зарабатывал ещё больше, – похвалила я его.

Рональд лишь загадочно улыбался. Когда ложка снова досталась мне, я продолжила трапезу, уже более тщательно пережёвывая еду. Достала попавшуюся косточку, хотела было выкинуть, но зачем-то посмотрела на неё. Задумчиво повертела в руках. Сделав над собой усилие, проглотила то, что было у меня во рту.

– Странная таёжная рыба, говоришь? – я подозрительно уставилась на Рональда и продемонстрировала ему косточку. – Что это?

Рональд, смутившись, молчал.

– Это какая-то птица? – допытывалась я.

– Ты только не нервничай, – он отобрал у меня ложку, сунул её в котелок. Взял мои руки. – Нам нужно хорошо питаться, чтобы восполнять силы. Ты же понимаешь?

– Кто там, в супе? – мне стало нехорошо.

– Ну рыба там и правда есть, – мялся он. – Одна... маленькая...

– Рональд! – подскочила я.

– Послушай, я бывал во Франции много раз и однажды попробовал один изысканный деликатес...

– лягушки?! – я почувствовала спазм, и желудок болезненно сжался. К горлу подступила тошнота.

– Так. Смотри на меня. На меня. Дыши глубоко. Слышишь меня?

– Слышу...

– Молодец. Просто дыши очень глубоко. Тебе нужно удержать еду в себе. Нам ещё долго идти. Понимаешь меня?

– Понимаю...

– Считаем до десяти. Давай вместе раз, два...

– Тридцать пять на девятнадцать – триста пятнадцать, тридцать пять на четырнадцать – четыреста девяносто... – у меня была своя система. – Пожалуйста, больше никогда не говори мне правду... Тридцать пять на семь...

Через пару минут мне стало лучше, но жуткие видения – выпученные лягушачьи глаза и обтянутые зеленой бородавчатой кожей коленки – преследовали меня весь оставшийся день.

Лес кругом, куда ни глянь. Дикий, первобытный, словно нарисованный, словно ненастоящий. Удивительно, но декорации из сказки про Бабу-ягу стали реальнее всей моей прежней жизни. Я пыталась вспомнить, как существовала в ней без Рональда, но не могла. Забыла, как ничего не значащий, дурацкий сон, и хотела, чтобы и этот сон теперь тоже про меня забыл. Бедный Антон...

День, начавшийся с экзотичного завтрака, закончился не менее экзотичным ужином – в меню снова французские деликатесы. Вокруг нашей новой полянки Рональд устроил локальный геноцид улиток. И я даже помогала ему. Охваченная энтузиазмом добросовестности, но

всё же морщась от отвращения, собирала ползающих и оставляющих за собой липкие дорожки слизняков в ладошку и складывала их в его котелок. Чувствовала себя при этом чрезвычайно храброй и гордилась, что вношу свою лепту.

Оказывается, даже такие неприятные вещи могут приносить удовольствие, когда занимаешься ими с любимым человеком. Всего-то и делов – найди свою половину и все трудности, все преграды становятся всего лишь интересными декорациями к удивительной сказке. Сначала улиток казалось очень мало, но неожиданно масть поперла, сии звери, шевеля любопытными рогами, повылазили из своих укрытий, и вскоре котелок уже радовал нас богатым урожаем.

– Поджарим их с грибочками! Magnifique! – Рональд поцеловал кончики пальцев и лихо подкрутил несуществующий ус.

– Что за извращенцы эти французы? – сокрушалась я, будто ответственность за наш рацион целиком и полностью лежала на них. – Может, лучше закажем пиццу?

– Извини, милая, но нет, – он протянул мне котелок со слизнями и ласково потрепал по волосам. – Светская жизнь обязывает употреблять в пищу исключительно деликатесы.

– Ладно, – хмыкнула я, – буду считать это обрядом инициации.

Пока я готовила ужин, стараясь изо всех сил, чтобы он получился именно «Magnifique», Рональд строил новый шалаш. Да, жаль, что мы не можем, как эти шкварчащие на дне котелка улитки, носить свой дом с собой постоянно, и вынуждены каждый вечер возводить новый. Это отнимает много времени и сил, а их можно было бы потратить на что-то более приятное...

Переход в этот день оказался очень тяжёлым, и я опять еле шевелилась от усталости. Берега реки вновь стали скалистыми и обрывистыми, мы снова были вынуждены идти по воде. Скользкие камни, поваленные деревья, быстрое течение – всё это существенно замедляло наше продвижение, и мы вряд ли прошли более десятка километров. Сидя перед огнём, я снова прокручивала в голове события прошедшего дня, будто пытаюсь почётче впечатать их в свою память. Вспоминала сказанные им слова и совершенные им действия, радовалась, что они теперь есть у меня – эти воспоминания.

Я собирала волосы, Рональд сидя под раскидистым кустом, наблюдал за мной. Мне показалось, что он долго сдерживал смех, прежде чем не выдержал и всё таки расхохотался.

– Что смешного? – буркнула я.

– Ты заплетаешь косу с таким серьёзным видом будто на войну собираешься.

– Что наше путешествие, как не война со стихией?

– О, моя прекрасная валькирия! – он встал и подошёл ко мне, обнял со спины. – Вспомни эту бедолагу-змею, я не сомневаюсь что ты разнесёшь в щепки любую преграду.

– Будь уверен, – проворчала я, не совсем понимая, издевается он надо мной или хвалит. Следующее воспоминание было особенно приятным.

– Ты говорила, ты играешь на пианино? – спросил Рональд, полюбобернувшись.

– На рояле, – гордо поправила я его. – Не знаю, умею ли играть на пианино, никогда не пробовала.

– Будешь развлекать меня долгими зимними вечерами, – мечтательно улыбнулся он.

– Я ещё только учусь, – махнула я, почему-то засмущавшись.

– Давно начала?

– Года полтора назад. Пока могу играть что-то не очень сложное, но уже давала свой личный концерт перед полным залом, – я вспомнила давнюю ситуацию в ресторане и хихикнула.

– Это здорово уметь играть на каком-нибудь музыкальном инструменте.

– Да, очень! Так можно потрогать музыку.

– Я бы тоже хотел уметь, – вздохнул он.

– Я тебя научу!

– Ты? Меня?

– Ага. Будем учиться вместе. Я уже давно хочу разучить одно произведение, но мне одной никогда его не сыграть. Нужно вдвоём, в четыре руки.

– Что это за произведение?

– Сен-Санс, «Пляска смерти».

– О-о-о... – округлил он глаза, – серьёзно...

– Да, оно очень серьёзное. И сложное.

– Мы справимся, вот увидишь, научусь, если будет нужно. Мне не привыкать, я в своей жизни что только уже ни делал.

– Талантливый человек талантлив во всем?

– Абсолютно!

– Ну что ж, тогда будем учиться.

Улыбаясь каждым своим мыслям, мы шли ещё какое-то время. Потом Рональд повернулся ко мне и сказал:

– Ну вот, теперь эта мелодия ко мне привязалась, прямо-таки звучит в ушах.

– Да, есть у неё такое странное качество. У меня она тоже звучит.

Он остановился и приобнял меня за талию.

– Потанцуем? – предложил.

– Почему нет?

Рональд прижал меня к себе покрепче и медленно повёл в танце.

– Парам-парам... – начала напевать я, и он приложил палец к моим губам:

– Тсс, просто слушай её.

Я кивнула и закрыла глаза, прислушалась, музыка звучала удивительно чётко. Мы кружились в танце, и я чувствовала, что в его голове происходит то же, что и в моей, играет тот же мотив нота в ноту. Во всяком случае это ощущалось в каждом его движении. Прижавшись щекой к мощной груди, зажмурившись, я млея в кольце его объятий и чувствовала, как от счастья на глаза медленно наворачиваются слёзы...

В лесу темнело, птицы копошились в верхушках деревьев, устраивались на ночлег. Шалаш, выстраиваемый Рональдом, понемногу обретал форму, от улиток в котелке шёл странный, непривычный, но какой-то ужасно аппетитный запах. Я чувствовала себя такой уставшей, что мне еле хватало сил сидеть прямо. Раньше, ещё не уверенная в том, что Рональд испытывает ко мне какие-то чувства, я боялась наткнуться на людей, боялась потерять его в любой следующий момент. Шла вперёд, как на заклятие, с трудом заставляя себя шевелить ногами. Сейчас же мне не терпелось воспользоваться всеми благами цивилизации. Я представляла нас в ароматной ванной, в широкой удобной кровати, почему-то непременно под балдахином, в машине с открытым верхом, в салоне бизнес-класса летящего в Лос-Анджелес самолёта...

Стоп, какой бизнес-класс?

У него же собственный самолёт!

Надо признать, приятный бонус в придачу к этому потрясющему мужчине. Да, иногда жизнь выкидывает такие коленца, что остаётся только изумляться её причудам. Этот человек, имеющий собственный самолёт и несколько сотен миллионов долларов на счету, сейчас строит шалаш в лесной глуши, чтобы не умереть ночью от холода. А я? – я, не меньше привыкшая к роскоши, вся по уши в грязи, с величайшим удовольствием поглощаю лягушек и слизней.

И, кажется, при этом мы счастливы?

Глава 5

– Я счастлив, – сказал Рональд, прижимая меня к себе.

Мы лежали на лапнике возле костра и смотрели в небо. Удивительно красивое, ясное ночное небо. Сияли звёзды. Их было так много, и они казались такими близкими, что становилось жутко. Они светились различными оттенками и мерцали с разной частотой. Млечный Путь сиял нежным облаком, разделяя небо на две половины, как створки огромной бархатной шкатулки, набитой драгоценными сверкающими камнями.

Я прижалась к Рональду и в который раз с наслаждением вдохнула его запах. Когда-то я закрывала глаза и пыталась представить, чем он пахнет. Оказалось, что ответ на этот вопрос до смешного прост. Закономерен.

– Я теперь знаю, чем ты пахнешь, – сказала я, уютно сворачиваясь у него подмышкой.

– Чем же?

– Звёздами. Да, ты пахнешь звёздами.

– Это интересно.

– Нет, правда. Ты разве не замечал, что когда на небе загораются звёзды, все запахи становятся другими? Это они рассыпают свою сияющую пыль, вот ею ты и пахнешь. Неуловимым волшебством. Спокойствием. Вечностью. Мечтами.

– Спасибо, Лиз, – он поцеловал меня в лоб. – Я это запомню.

Как я люблю эти его поцелуи в лоб. Другие – в нос, в висок, в шею, в губы тоже люблю, но в этих есть что-то особенное – дружеское, нет, скорее даже покровительственное. Правая рука ложится на плечо, прижимает слегка (только слегка, страсти именно в этом поцелуе нет) к тёплой груди, мягкие губы дотрагиваются до кожи нежно, но властно. Это немного собственногонический поцелуй, приятное, несколько раз на дню подновляемое, тавро.

Я продолжала вглядываться в бездонное небо. Вздохнула:

– Мне так обидно иногда, что я заперта в своём теле и не могу долететь до какой-нибудь красивой туманности, чтобы поближе её рассмотреть, не могу даже к Сатурну приблизиться или к Юпитеру. А между прочим, меня очень волнует всё, что на них происходит. Что это за, мать его, пятно-ураган размером с Землю? И правда ли на Европе есть вода? И кольца хочется посмотреть, и по Марсу погулять, и по Урану, и даже по Плутону... Хотя Плутону недавно отказали в звании планеты, по-моему ужасная несправедливость, тебе так не кажется?

– Ты очень смешная, Лиз.

– Ничего смешного. Я понимаю, что маленьких легко обижать, но как-то это неправильно. Была планета и нету, а я-то привыкла думать, что их девять!

– Продолжай думать так же, уверен, Плутону будет очень приятно, что хоть кто-то переживает о его статусе.

– Я так и делаю. Это наш с ним никого не волнующий, но упрямый протест.

– Вот и правильно. Тренируйся пока. А когда у тебя появится собственная галактика, сможешь раздавать небесным телам звания и титулы по своему усмотрению.

– И откуда же она у меня появится?

– Кто знает? – вздохнул Рональд и повернул мою голову к себе, заглянул в глаза. – Может, это я её тебе подарю.

– Ну я понимаю, Луну с неба, но целую галактику! – рассмеялась я.

Он облизал палец и вытер грязь с моего носа.

– Думаешь, ты этого не заслуживаешь? – спросил, улыбаясь нежно.

– Думаю, у меня треснет кое-что. Или слипнется. Что-то другое...

– О чём это ты?

– Не обращай внимания, русские идиомы. Нет, правда, галактика это перебор, но вот если бы ты мне подарил Юпитер, например, я бы не отказалась. Особенно учитывая тот факт, что когда-нибудь он, возможно, станет настоящей звездой.

– Он может стать звездой?

– Ну да. Учёные говорят, что Юпитер это будущая звезда со своей уже сформированной планетарной системой. Ему осталось только разогреться до подходящей температуры, и можно будет переселяться на одну из его лун, а их у него шестьдесят семь. Так что выбрать есть из чего.

– И какую бы ты выбрала?

– Какую-нибудь маленькую, но уютную. Я не жадная.

– Хорошо, Лиз, я тебя понял.

– Не знаю, справедливо ли это по отношению к Юпитеру, но мне всё-таки не очень хочется, чтобы он превращался в звезду. Звёзд много, а он такой красавец один. Как бы я хотела, чтобы он был к нам поближе. Чтобы вот так лежать, а на небе он – громадный и полосатый. Было бы здорово, да?

– Да. Мне тоже нравится такая картина.

Множество падающих звёзд прочертило небосвод над нашими головами. Видимо мы вошли в кольцо метеоритов, зачерпнули горсточку атмосферой, и теперь они грандиозно умирали на тёмной сцене, на наших глазах сгорая в своём последнем полёте. Один из них был особенно большим и летел медленно, словно красуясь своей полыхающей мантией.

– Загадывай желание! Скорее! – прошептала я Рональду.

Пока он думал, падающая звезда успела раствориться в небе.

– Хочу однажды проснуться с тобой, – сказал он тихо.

– Завтра проснёшься, – пообещала я.

Он ещё подумал, перевернулся на бок, лицом ко мне.

– Не завтра, а через много лет.

– Просыпаясь, а я – старая, лежу рядом. Вся в морщинах, без зубов, бр-р-р. Надо оно тебе?

– А тебе? Ты бы хотела такое будущее?

– Это было бы прекрасное будущее, – мурчала я, прижимаясь щекой к его груди. – Но только в том случае, если у тебя тоже будут морщины. Ты же не собираешься всю жизнь оставаться таким глянцевым красавчиком?

– Появятся, будь уверена, – рассмеялся он.

– По-твоему, морщины это смешно? – вздохнула я.

– Конечно! Вот увидишь, мы будем вместе над ними смеяться.

– Это так здорово, что даже не верится.

– Я знаю, что люди начинают верить медленно, Лиз, так мы никуда и не спешим.

Действительно. Куда нам спешить? Неужели теперь можно остановить эту бессмысленную жестокую гонку за счастьем? Неужели теперь можно просто расслабиться возле такого родного и теплого...

– Ногти! – вдруг воскликнул Рональд и расхохотался. – Вот кто будет стричь мне ногти на ногах!

– Чего? – не поняла я.

Он уткнулся мне в плечо, голос его потеплел.

– Знаешь, какое моё самое яркое воспоминание о бабушке и дедушке? Они вместе так далеко шагнули в старость, что стригли друг другу ногти на ногах. Самостоятельно дотянуться они уже не могли, спины не гнулись, так что по очереди вооружались ножницами, по очереди садились на пол друг перед другом и... Идеально, тебе так не кажется?

Я долго представляла себе эту картину и чувствовала, как в груди становится очень тепло и щеотно. Сдержала улыбку, пробурчала:

– Ну и дела. Будущее с голливудской звездой я представляла себе совсем не так.

Лёгкая головная боль и усталость давили мне на виски, но я не обращала на них внимания, – вечер уж больно хорош. Мы долго молчали, слова были лишними. Мы учились разговаривать без них, зачем засорять эфир?

– А знаешь, кто всегда живёт прошлым? – спросил вдруг Рональд.

– Кто же?

– Астрономы.

Вот это поворот. Неужели в этом мире ещё кто-то кроме меня интересуется астрономией? Впрочем, о чём это я? Кому как не звезде думать о звёздах? Я решила не умничать и предоставила слово Рональду.

– И почему же?

– Звёзды слишком далеко, могут пройти миллионы лет, пока до нас дойдёт их свет. Представляешь, как странно? Мы ещё можем видеть какую-то звезду, а она уже погасла тысячи лет назад, и узнаем мы об этом только ещё через много тысяч лет.

– Или где-то зажглась новая, а мы ещё не в курсе, – мечтательно улыбнулась я.

– Да. Так и есть.

Мы ещё помолчали.

– Ты представляешь, какие это колоссальные расстояния? – снова заговорил Рональд, разглядывая бескрайнее небо своими бездонными глазами. – Только вообрази себе все эти громадные раскалённые шары. Наша Земля в сравнении с Солнцем, как маковое зёрнышко в сравнении с апельсином, а Солнце, по сравнению со многими другими звёздами, само как зёрнышко. И этих апельсинов во вселенной миллиарды миллиардов, их больше чем всех песчинок на всех пляжах нашей Земли. Я просто не знаю, как можно быть астрономом, как можно не свихнуться от этих колоссальных объёмов и расстояний.

– Скорее всего они изначально все психи, раз их это не пугает.

– Да, наверняка. Но вот, что самое удивительное – среди всей этой бесконечности наша Земля, эта невидимая крупинка пыли, населена жизнью. Можно считать, что ты, я, любое, даже опустившееся на самое дно человеческое существо, все звери, эти улитки, которых мы съели на ужин – всё это величайшее необъяснимое чудо. Ты должна, обязана чувствовать себя именно так, Лиз, ты – чудо. Не какая-то невидимая составляющая многомиллиардной толпы, ты одна на много миллиардов звёзд. Вершина мироздания, венец божественного творения. И каждый, кого ты видишь, каждый, с кем тебе приходится общаться – тоже чудо. Когда все люди наконец поймут это, общество станет таким, каким его и задумывал создатель.

– Это утопия.

– Нет. Когда-нибудь это обязательно произойдёт.

– Наш мир таким не задумывался. Он не для того, чтобы в нём все были счастливы.

– О чём ты?

– Просто моё видение. Не сейчас, может быть, позже я тебе расскажу.

Голова продолжала болеть и много говорить не хотелось.

– Расскажешь обязательно. А хочешь моё видение мира?

– Хочу конечно.

Слушать Рональда я могла бесконечно. И мне даже не важно было, о чём он говорит, важно было то, как он это делает. Его голос – самая желанная музыка для моих ушей, нежный тембр – бальзам для души.

– Любовь важнее всего, – сказал этот вкрадчивый голос.

Слова его иногда вообще... заставляют трепетать так, что от удовольствия отнимается всё, что ниже колен.

– Только это важно, Лиз, поверь. Я прошёл все стадии – был романтиком, потом циником, потом циничным романтиком, снова циником и снова романтиком. Я попробовал всё, поэтому знаю, о чём говорю. Любовь важнее всего. Только из-за неё мы все находимся там, где находимся. И эти слова, Лиз, я сейчас использую в самом широком смысле, какой только возможен.

только из-за любви мы находимся там, где находимся. Если бы ты только знал

– А всё остальное, всё, что нас окружает, – продолжал Рональд, – дома, мебель, автомобили, украшения, прикроватные коврики и даже наши тела, всё-всё-всё – это всего лишь отходы звёздной жизнедеятельности, химический мусор.

Вряд ли он расскажет мне что-то новое, но его голос... Я просто таю от его тембра и манеры излагать свои мысли.

– Как это? – спросила.

– А вот как. Все вещества, все элементы образовались в тот момент, когда самые первые древние звёзды взорвались под конец своей жизни. Именно так они и умирают – горят-горят, долго, миллиарды лет, а потом взрываются с колоссальным вселенским ба-бахом. И вот в этот момент образуются химические элементы, которые разлетаются во все стороны. Из них состоят все наши вещи, из них состоим и мы с тобой. Представляешь, сколько этого вещества во вселенной, если каждую секунду времени, дожив свой век, взрываются сотни, а может, и тысячи звёзд?

– Ну если так рассуждать, то конечно эти парни сильно продешевили. Всего какой-то мешочек с камешками за твою бесценную жизнь, – хихикнула я и вдруг вспомнила: – Представляешь, есть одна планета. Она в два раза тяжелее Земли и на треть состоит из алмазов. Учёные даже подсчитали её примерную стоимость: двадцать семь с тридцатью нолями, в долларах конечно же. Как тебе? И всё это богатство всего в сорока световых годах от нас. Ничто по космическим меркам, где расстояния измеряются миллионами и миллиардами световых лет.

Рональд пару секунд смотрел на меня удивлённо, потом спросил, нахмурившись:

– Не знаешь, почему я чувствую, будто зря выпендриваюсь, пытаюсь произвести на тебя впечатление своими познаниями в астрономии?

– Не зря. Я действительно под впечатлением от того, что это ещё хоть кому-то интересно.

– Отлично, – он вновь откинулся на руку и продолжил: – А насчёт бриллиантовой планеты... Как только мы доберёмся до этих залежей алмазов, они сразу же обесценятся. По логике вещей наибольшую стоимость имеет то, чего мало. Вот бриллиантов у нас мало, на всех не напасёшься, поэтому они дорогие, так?

– Ну в общем да.

– Это в масштабах нашей планеты. А в масштабах целой бескрайней вселенной, где этого барахла просто завались? Мусор. А вот то, чего там действительно мало – так это жизни. Жизнь здесь, у нас, а там – пустота. Холодная чёрная пустота. Получается, в масштабах вселенной жизнь – самое ценное. Но и это ещё не все. Сколько форм жизни есть на земле? Миллионы? А скольким из этих форм знакомо понятие любви? То-то и оно. Лишь человеку. И то не каждому. Можно всю жизнь прожить и так и не испытать этого чувства. Или испытав, потерять его. Всё же, наверное, самое страшное, что может с человеком – потерять свою любовь, поэтому терзания эти самые мучительные во вселенной. Потеря единственно важного, редкой ценности...

Неожиданно для самих себя мы поняли, что лежим, вцепившись друг другу в куртки до белизны костяшек. Но никто не разжал хватку. Так мы и лежали под этим грандиозным небом, заблудившиеся, но найденные. Два вселенских чуда, две крохотные песчинки, силой притяжения носимые вокруг своей крохотной звезды и, благодаря ей же, нашедшие друг друга на самом краю бескрайнего мира.

Лежать обнявшись, смотреть на звёзды. В этот момент я чётко осознала, что жизнь прекрасна и только начинается. И если такие мелочи, самые простые её проявления, способны

наполнять таким едва переносимым ощущением счастья, то чего же ждать от тех событий, которые ждут нас впереди?

Я продолжала сжимать Рональда в объятиях, раздумывая над его словами. Он почти научно обосновал что-то эфемерное, и я нашла это очень интересным. Он отпустил мою куртку и занялся своим любимым делом – начал гладить мои волосы. Наигравшись, поднял за подбородок моё лицо и начал нежно меня целовать. С каждой секундой его поцелуи становились всё более жадными, горячими, требовательными.

– Вся эта философия конечно прекрасна, – прошептал он, отрываясь от моих губ, – но предлагаю вспомнить и о своих животных инстинктах! Я соскучился!

У меня болела голова, но я не говорила об этом, не желая впускать ничего негативного в этот дивный вечер. Пришлось признаться в том, что чувствую себя разбитой. «Как банально, – думала я, – отказываюсь от близости с любимым мужчиной из-за какой-то головной боли. Как обычная женщина. Как от обычного мужчины...»

Рональд поцеловал меня в висок и осторожно сжал в объятиях.

– Может, пойдём в дом?

Шевелиться мне не хотелось и не хотелось никуда идти.

– Давай ещё немножко полежим.

– Ветер поднимается, Лиз.

– Разве это ветер? – зевнула я. – Вот представь себе бесконечный непрерывный ураган, длящийся уже миллионы, а может и миллиарды лет, в котором ветер дует со скоростью две тысячи километров в час. Это как никогда непрекращающаяся ударная волна от атомного взрыва. Представляешь, какая это мощь? Например, чтобы воспарить, как ястребам над пропастью, нам понадобится вертикальный ветер скоростью всего лишь двести километров в час. А теперь умножь силу этого ветра на десять, и ты получишь представление об атмосфере Нептуна.

– Намекаешь, что мне удастся затащить тебя в шалаш только тогда, когда ветер достигнет такой скорости?

– Вряд ли это нас спасёт. Шалаш не выстоит, да и мясо с костей сорвёт быстрее, чем мы до него доберемся, – я закрыла глаза, блаженно проваливаясь в сон.

– Хьюстон, у нас проблемы, – он снова выдернул меня из полубытья.

– Какие?

– Кажется, дождь начинается.

Я прислушалась к шороху редких капель в листве.

– Разве это дождь... – начала, намекая на то, чтобы он оставил меня в покое и дал поспать.

– Только не нужно рассказывать мне про дожди из серной кислоты на Венере, – перебил меня Рональд.

– А про горизонтальный дождь из осколков стекла, летящих на скорости шесть тысяч километров в час?

– Разве такое бывает?

– Бывает ещё и не такое. Расскажу как-нибудь. Я так устала...

Он ещё крепче прижал меня к себе.

– Совсем замучил тебя своими разговорами?

Не было сил отвечать, не было сил кивать всей головой, и я кивнула бровью. Снова увидела какой-то ужасно приятный сон.

– Лиз... – отвлёк меня голос.

Я проснулась, увидела его лицо и наяву, расплылась в дурацкой улыбке.

– Почему ты улыбаешься? – спросил Рональд.

– Ты мне приснился. А когда я открыла глаза, оказалось, что сон – это не сон. Ты и вправду существуешь. Это так хорошо.

Он ласково убрал волосы с моего лба, а я обиженно насупилась:

– Только вот зачем ты мне снишься, если ты у меня есть настоящий? Не снись мне больше, пожалуйста! Мне становится страшно, и я просыпаюсь.

– Почему, дурочка?

– Потому что когда я сплю, я знаю, что всё что вижу – это сон. И когда вижу там тебя, пугаюсь, что ты тоже всего лишь сон.

– Всё сон, Лиз.

– Да? – огорчилась я. – И это?

– Особенно это.

– Хочешь сказать, ты мне и сейчас снишься?

– Да. Я тебе, а ты мне.

– Значит, ты меня не до конца разбудил?

– Пока ещё нет.

– Почему?

– Потому что так мы можем быть вместе.

– Не хочу, чтобы ты мне снился, хочу тебя настоящего. Разбуди меня.

– Когда-нибудь обязательно.

– Тогда перестань мне сниться. Это не смешно.

– Ну уж нет. За твоё непослушание я буду являться тебе во снах. Может, всё таки пойдём в дом?

– Ага. Попозже.

– Хорошо, спи. Но это пока. Когда выберемся отсюда, ты от меня просто так не отвяжешься. Я люблю разговаривать. Нужно разговаривать, Лиз, чтобы лучше понимать друг друга. Чтобы любить кого-то, его необходимо понимать, и взаимопонимание – оно ведь важнее всего, важнее даже привязанности. Если твоя любовь – лишь желание обладать, то она не настоящая. Знаешь, что мы сделаем? Мы сбежим от всего мира, примерно так, как сейчас, с поправкой на полный холодильник, конечно, и будем много разговаривать. Есть у меня один остров на примете...

Слабость не дала мне дослушать его.

Через какое-то время Рональд поднял меня на руки, и я снова проснулась. Эти несколько шагов, что он прошёл до нашей хижины, бережно прижимая меня к себе, я чувствовала себя такой счастливой, что мне было страшно.

Глава 6

Утром вечерняя моя разбитость никуда не делась, а, казалось, только усилилась. Ноги были слабыми, колени подгибались, в голове будто поселились жучки-древоточцы. С ужасом я начала сознавать, что простудилась. Гнала от себя эти мысли, боясь, что мой организм воспримет их всерьёз и действительно разболеется. Не жалуясь и не стеля, шла за Рональдом, понимала, что он ничем не сможет мне помочь. Спасет только цивилизация, которая может вдруг оказаться за любым поворотом нашей своенравной реки.

Я жадно всматривалась в каждый просвет, надеясь, что вот сейчас деревья расступятся, и нам откроется вид на какую-нибудь холмистую равнину, усеянную маленькими избушками. Вслушивалась в шум ветра, пыталась отыскать в нём далёкий отзвук колёс, шелестящих покрывками по гравию деревенской дороги или по асфальту междугородной трассы. Всё тщетно. Лишь ветер в кронах и всплески воды в ручье.

Я плелась за Рональдом на ватных ногах, и слабость раскачивала меня, как пьяного, которого вот-вот вынесет на проезжую часть. Я чувствовала себя уставшей, невыносимо, бесконечно, невероятно уставшей, болела голова. Мне было тяжело, словно на плечи мне взвалили огромные брёвна, и каждый шаг давался невероятными усилиями. Но мы отдыхали совсем недавно, наверное, и часа не прошло. Это была странная усталость, не такая, как после долгой пробежки или тяжкой работы, когда натруженные мышцы дрожат и слабеют. Мои ноги просто отказывали мне, я их не чувствовала. Я рухнула на колени, но Рональд не обернулся – мягкая земля впитала звук падения.

– Рональд, – позвала я его, – не могу идти.

Он подошёл ко мне и встревоженно опустился рядом. Взял меня за руку, с испуганным удивлением посмотрел на неё и тут же прижался губами к моему лбу.

– Ты вся горишь, – прошептал он, даже не пытаясь скрыть отчаяния.

Взгляд его заметался по сторонам, словно ища помощи, а я легла на землю и зажмурилась. От света глазам было больно.

Тянулись бесконечные часы.

Ходьба заставляет время бежать намного быстрее, но когда просто лежишь и корчишься от ломоты во всём теле, время ползёт так медленно, будто ещё чуть-чуть, и оно развернётся в обратную сторону. Рональд развёл костёр, и пламя освещало его напряжённое лицо. На него было страшно смотреть – он разрывался между осознанием своего бессилия и желанием не пугать меня ещё больше, старался выглядеть спокойным, но это у него получалось плохо.

– Я обычно редко болею, – сказала я, чтобы его подбодрить, – а если болею, то не больше трёх дней.

– И при этом у тебя есть лекарства.

Крыть мне было нечем, и я промолчала.

Я всегда забывала о том, насколько коварна боль, и как она может разом вывести из строя. Жестокая и непримиримая, она бьёт сразу по всем чувствам, отрубает от внешнего мира, оставляет с собой один-на-один. Кажется, температура поднималась ещё выше, перед глазами всё плыло. Я чувствовала себя воспалённым нарывом, так горело всё тело, и больно было везде. Но голове особенно. Тупая тягучая боль сменялась острой, пульсирующей, я морщилась и пыталась массировать себе виски, но это не помогало. Кроме температуры и ломоты во всём теле других симптомов простуды не было.

Когда совсем стемнело, я уже не могла сдерживать стоны. Голова просто раскалывалась. Мне казалось, что весь лес наполнен голосами, и они эхом отзываются внутри моего черепа, наполняют его, распирают изнутри, делая мою боль просто невыносимой.

– Пожалуйста... пожалуйста, – умоляла я, – замолчите...

Временами голоса прекращались, временами прекращалась я.

Я лежала, отвернувшись от костра, но свет всё равно разъедал мне глаза, серной кислотой просачивался под закрытые веки.

нужно уйти с солнца! Тропическое солнце очень опасно

Я металась между полузабытьем и реальностью, иногда приходя в себя, иногда проваливаясь в свои видения, и не понимала, что из этого настоящее, а что нет.

Прохладная ладонь в который раз легла мне на лоб, через какое-то время я почувствовала на себе руки – они искали застёжку на моей куртке. Пошевелив меня, Рональд причинил ещё большее мучение – череп взрывался красными раскалёнными сферами от каждого движения. Я подняла голову, но сил разомкнуть веки не нашла, снова уронила её, повернулась на бок и меня вырвало желчью. Сильные настойчивые руки продолжали меня раздевать.

– Господи боже, отстань же от меня, – плакала я, но он не прекращал эту пытку.

Посмотрев на него, я увидела, что из одежды на нём одни только боксеры, и пришла в ужас. Что это он собирается?.. Неужели?.. Он что, не понимает?! Рональд стянул с меня куртку и взялся за штаны.

– Что ты делаешь? – рычала я, пытаюсь вцепиться ему в лицо. – Животное! Убери свои руки!

Он поймал мои запястья, прижал их к земле. Посреди красного тумана вспыхнули его серьёзные глаза.

– У тебя очень высокая температура. Если тебя не охладить, ты умрёшь. Не мешай мне, пожалуйста.

Пока он снимал с меня одежду, я плакала от боли. Тело моё оторвалось от земли – Рональд поднял меня на руки и направился к реке. Каждый его шаг был ударом молота, дробящего череп, и мои крики эхом отлетали от противоположного берега.

Он погрузил меня в холодную воду, и моё тело обожгло огнём. Я заживо сгорала на костре, и кожа, слезая с мяса, уплывала, подхваченная течением...

Я провалилась под лёд, но почему-то не старалась выбраться на поверхность. Просто плыла под полупрозрачной коркой, чувствуя, как холодная вода обтекает моё тело. Я могла дышать, словно превратилась в рыбу или... Да, я стала русалкой, вот почему я не чувствую ног – у меня же их нет. Ног нет, но должны быть руки, я пытаюсь пошевелить ими, но не могу – их тоже не чувствую. В мутной воде стараюсь разглядеть свои руки, но не вижу их и понимаю, что они тоже исчезли. Это кажется мне логичным, потому что у водяных змей не бывает рук. У меня есть одно только длинное гладкое тело со скользкой кожей, покрытой тонкой блестящей чешуей... Вся извиваюсь в попытках удержаться в толще воды и плыву туда, куда меня зовут древние инстинкты выживания. Мне нужно найти воду потеплее, в этой обледеневшей реке мне не выжить... Где-то там должен быть горячий источник... И вот, когда я уже почти у цели, меня хватают чьи-то сильные руки. Не сжимают, не душат, просто удерживают на месте. И я не могу плыть вперёд, не могу добраться до спасительного тепла, а могу только замерзать, чувствуя, как холодная вода продолжает обтекать моё скользкое онемевшее тело...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.